

Ветер на пороге

Автор:

[Мадлен Л`Энгл](#)

Ветер на пороге

Мадлен Л`Энгл

Квинтет времени #2

Папа Мег Мёрри вернулся на Землю со зловещей темной планеты, но в последнее время его часто и подолгу не бывает дома: во Вселенной творится что-то неладное, звезды исчезают бесследно, и мистера Мёрри, выдающегося ученого, постоянно вызывают в крупнейшие лаборатории для консультаций.

А между тем дома у Мег тоже не все в порядке: ее братишка Чарльз Уоллес страдает от загадочной болезни, да и в школе у него дела идут плохо. Казалось бы, при чем тут звезды? Но Мег, Чарльзу и их другу Кальвину предстоит узнать, что у всех этих бед – общая причина. Чтобы спасти Чарльза, Мег и Кальвину придется многому научиться и погрузиться в удивительный мир, для обитателей которого люди – все равно что галактики...

Эта книга (вторая в цикле «Квинтет времени») является продолжением прославленного бестселлера «Излом времени», экранизированного в 2018 году студией Уолта Диснея.

Впервые на русском языке!

Мадлен Л`Энгл

Ветер на пороге

Madeleine L'Engle

A WIND AT THE DOOR

Copyright © 1973 by Crosswicks, Ltd.

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest Literary Agency and The Van Lear Agency LLC.

© А. Хромова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа "Азбука-Аттикус"», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Пэт

- Как, племянник? - вскричал король. - Что это за ветер на пороге?

Томас Мэлори. Смерть Артура[1 - Книга седьмая, глава XXXIV. В «Смерти Артура» выражение «ветер на пороге» использовано в переносном смысле - что-то вроде «чушь, бредни» - и в классическом русском переводе отсутствует. (Здесь и далее примеч. перев.)]

Глава первая

Драконы Чарльза Уоллеса

- На огороде у близнецов – драконы.

Мег Мёрри высунулась из холодильника, куда она нырнула, чтобы найти что-нибудь перекусить после школы, и уставилась на своего шестилетнего братишку:

- Чего-чего?

- На огороде у близнецов драконы. Только что были. Теперь перебрались на северный выгон.

Мег, не отвечая – когда Чарльз Уоллес говорит что-то странное, с ответом лучше не торопиться, – опять сунулась в холодильник.

- Возьму-ка я салат и помидоры, как обычно. А то хотелось чего-то нового и удивительного...

- Мег, ты меня слышала?

- Ага, слышала. И пожалуй, ливерную колбасу и сливочный сыр.

Она достала все для сэндвича, положила на кухонный стол, поставила туда же бутылку с молоком. Чарльз Уоллес терпеливо ждал. Мег смотрела на него, нахмурившись, – ей было тревожно, хотя она себе в этом признаваться не желала. Голубые джинсы брата были опять порваны на коленках, рубашка заляпана грязью, на скуле под левым глазом набухал синяк.

- Ну что, на этот раз большие мальчишки набросились на тебя на школьном дворе или когда ты сходил с автобуса?

- Мег, ты меня не слушаешь.

– Видишь ли, меня беспокоит, что ты в школе уже два месяца и не проходит и недели, чтобы тебя не отлупили. Если ты там рассказываешь про драконов в саду – или в огороде, – я не удивляюсь, что тебя лупят.

– Ничего я им не рассказываю. Не надо меня недооценивать. И потом, драконов я увидел уже после школы, вернувшись домой.

Когда Мег сильно тревожилась, она всегда злилась. Вот и теперь она сердито уставилась на свой сэндвич.

– Что за сыр мама купила! Совсем не мажется. Впитывается в хлеб, и все. Где она?

– Мама в лаборатории, у нее эксперимент. Она просила передать, что скоро закончит.

– А папа где?

– Папе позвонили из Лос-Аламоса[2 - В городе Лос-Аламос, штат Нью-Мексико, находится лаборатория Министерства энергетики США, где ведутся секретные исследования в области ядерной физики.], и он уехал в Вашингтон на пару дней.

О папиных поездках в Белый дом, как и о драконах в огороде, в школе лучше было не упоминать. Но поездки имели место на самом деле. В отличие от драконов.

Чарльз Уоллес уловил сомнения Мег:

– Мег, я их в самом деле видел, драконов этих! Доедай свой сэндвич и пошли поглядим!

– А где Сэнди с Деннисом?

– У них тренировка по футболу. Я еще никому не говорил, кроме тебя. – Чарльз Уоллес внезапно сделался совсем маленьким, даже моложе своих шести лет. – И почему автобус старшеклассников приходит так поздно? Я тебя ждал-ждал...

Мег вернулась к холодильнику и достала салат. Просто чтобы выиграть время и немного подумать. Хотя, конечно, нельзя было рассчитывать, что Чарльз Уоллес не перехватит ее мысли, как перехватил сомнения по поводу драконов. Что он там видел на самом деле – Мег представления не имела. Что-то он несомненно видел, и это было что-то необычное – можно не сомневаться.

Чарльз Уоллес молча смотрел, как она делает себе сэндвич, аккуратно выравнивая ломти хлеба и нарезая их на ровные кусочки.

– Интересно, мистер Дженкинс когда-нибудь видел дракона?

С мистером Дженкинсом, директором местной школы, у Мег были свои счеты. На то, что мистер Дженкинс обратит внимание на происходящее с Чарльзом Уоллесом, или даст себе труд вмешаться в то, что он называет «нормальными демократическими процедурами», надежды было мало.

– Мистер Дженкинс верит в закон джунглей, – сказала Мег с набитым ртом. – Есть ли в джунглях драконы?

Чарльз Уоллес допил молоко:

– Неудивительно, что у тебя так плохо с географией. Доедай скорее, не тяни. Пошли посмотрим, вдруг они еще там!

Они пересекли лужайку. Фортинбрас, крупный, гладкий черный пес, отдаленно смахивающий на лабратора, носился вокруг, радостно разнюхивая что-то на убранной по осени грядке с ревеном. Мег споткнулась о проволочные крокетные воротца и раздраженно фыркнула. Злиться, впрочем, было не на кого, кроме себя, – это она убирала воротца и молотки после последней игры, а про эти забыла. Невысокая живая изгородь из кустов барбариса отделяла крокетную лужайку от огорода, который разводили Сэнди с Деннисом. Фортинбрас перемахнул через изгородь.

– Форт, туда нельзя! – тут же крикнула Мег, и здоровенный пес вернулся назад, лавируя между грядками с капустой и брокколи.

Близнецы заслуженно гордились плодами своих трудов и продавали их в деревне, зарабатывая себе на карманные расходы.

– Дракон бы от этого огорода ничего не оставил, – сказал Чарльз Уоллес и повел Мег через грядки. – Наверно, он это сообразил, потому что вдруг взял и вроде как перестал быть.

– Что значит «вроде как перестал быть»? Так был он тут или его не было?

– Сначала он тут был, а потом, когда я подошел посмотреть поближе, он исчез. Я пошел за ним следом – не в том смысле, что я за ним следил, он перемещался слишком быстро, – я просто пошел туда, куда он переместился. Он был на больших ледниковых валунах, которые на северном выгоне.

Мег, насупившись, окинула взглядом огород. Никогда еще Чарльз Уоллес не нес подобной ерунды.

– Пошли! – сказал он и зашагал между рядами высоких снопов, на которых оставалось всего несколько обтерханных колосьев. Растущие дальше подсолнухи смотрели вслед заходящему солнцу и сияли золотом.

– Чарльз, с тобой все в порядке? – спросила Мег. Терять связь с реальностью – это было совсем не в духе Чарльза.

Тут она заметила, что мальчик тяжело дышит, как будто запыхался от бега, хотя шли они не так уж и быстро. Лицо у него побледнело, на лбу выступил пот, словно от переутомления.

Мег очень не понравилось, как он выглядит, и она снова задумалась над этой невероятной историей про драконов, пробираясь между раскидистыми плетями тыкв.

– Чарльз, а когда ты их увидел? Ну, эту... толпу драконов?

– Стаю драконов, косяк драконов, полчище драконов! – пропыхтел Чарльз Уоллес. – Сразу, как вернулся из школы. Мама очень расстроилась, оттого что я был в таком виде. У меня еще из носа кровь шла, сильно...

– Меня это тоже расстраивает.

– Мег, мама думает, дело не только в том, что меня лупят большие мальчишки.

– А в чем еще?

Чарльз Уоллес с несвойственной ему неуклюжестью перебрался через каменную стенку, за которой у них рос сад.

– Я быстро выдыхаюсь.

– И что? Что сказала мама? – резко спросила Мег.

Чарльз медленно брел по высокой траве под яблонями.

– Она ничего не сказала. Но я же просто все улавливаю, как сигналы на радаре.

Мег шагала рядом с братишкой. Она была высокая для своих лет, а Чарльз Уоллес для своих – маленький.

– Знаешь, временами мне хочется, чтобы ты не был таким чутким ко всяким сигналам.

– Ничего не могу поделать, Мег. Я же не нарочно. Оно само. Мама думает, со мной что-то не так.

– Но что?! – чуть ли не крикнула Мег.

Чарльз Уоллес ответил очень тихо:

– Не знаю. Но это что-то плохое, так что ее тревога считается очень отчетливо. Я и сам чувствую неладное. Мне даже пройти через сад, как сейчас, и то трудно. Так быть не должно. Раньше такого никогда не бывало.

– Когда это началось? – встревоженно спросила Мег. – На прошлых выходных, когда мы гуляли по лесу, с тобой все было в порядке.

– Я знаю. Я с начала осени чувствовал себя каким-то усталым, но на этой неделе стало хуже, а сегодня намного хуже, чем было вчера. Эй, Мег! А ну перестань винить себя за то, что ты ничего не заметила!

Конечно, она себя винила. У нее прямо руки похолодели от ужаса. Мег пыталась заставить страх замолчать, потому что сестру Чарльз Уоллес считывал еще легче, чем маму. Он подобрал с земли упавшее яблоко, оглядел, не червивое ли, и вгрызся в него. Из-под летнего загара отчетливо проступала бледность и мешки под глазами. Ну как, как она не заметила раньше? Да так и не заметила – потому что не хотелось замечать. Конечно, проще было списать бледность и вялость Чарльза Уоллеса на его проблемы в школе.

– А почему мама не покажет тебя доктору? Ну, в смысле, настоящему доктору, врачу?

– Она показывала.

– Когда?

– Сегодня.

– А что же ты мне не сказал?

– Драконы интереснее.

– Ну, Чарльз!

– Это было перед тем, как ты вернулась из школы. Доктор Луиза пришла пообедать с мамой – она довольно часто заходит...

– Я знаю. Давай дальше.

– И когда я вернулся из школы, она меня осмотрела целиком, с головы до пят.

– И что она сказала?

– Да ничего особенного. Я не могу ее считать, как маму. Она такая, как птичка: чирикает, чирикает, но при этом чувствуется, что ее острый ум думает о чем-то своем на другом уровне. У нее очень хорошо получается от меня отгораживаться. Все, что я смог уловить, – это что она думает, что мама, возможно, права, а вот насчет чего, я не понял. И что надо будет за мной понаблюдать.

Они дошли до конца сада, Чарльз Уоллес снова взобрался на стену и остановился, окидывая взглядом заброшенный выгон с двумя большими выступами ледниковых валунов.

– Их нет, – сказал он. – Исчезли мои драконы.

Мег стояла на стене рядом с ним. Смотреть на выгоне было не на что: только ветер колышет выгоревшую на солнце траву да два высоких валуна розовеют в лучах заходящего осеннего солнца.

– Ты уверен, что это были не просто камни, тени или еще что-нибудь?

– Разве камни или тени похожи на драконов?

– Нет, но...

– Мег, они были прямо там, у валунов: все вроде как сплелись в клубок, и крылья, крылья, как будто сотни крыльев, и между крыльями – мигающие глаза, и клубы дыма, и язычки пламени – я их еще предупредил, смотрите, мол, выгон нам не подпалите.

– Как это ты их предупредил?

– Я с ними разговаривал. Вслух. И они перестали пыхать пламенем.

– Ты к ним близко не подходил?

– Мне показалось, что это неразумно. Я остался тут, на стене, и долго-долго за ними наблюдал. А они все складывали и раскрывали крылья и вроде как подмигивали мне этими глазищами, а потом словно бы сбились в кучу и уснули.

И я пошел домой ждать тебя. Мег! Ты мне не веришь!

- Ну и куда же они делись? – сухо спросила Мег.

- Раньше никогда такого не было, чтобы ты мне не верила!

- Не то чтобы я тебе не верю... – осторожно сказала Мег.

Как ни странно, отчасти она ему действительно верила. Не то чтобы она верила, будто он и в самом деле видел драконов, но никогда прежде Чарльз Уоллес не имел обыкновения путать факты и фантазии. Никогда прежде он не разделял так четко реальность и иллюзии. Мег посмотрела на брата и увидела, что он натянул джемпер поверх своей перепачканной рубашки. Она обхватила себя руками, передернула плечами и сказала – хотя ей было совсем не холодно:

- Схожу-ка я, пожалуй, домой, кардиган возьму. А ты подожди тут. Я быстро. Если драконы вернутся...

- Я думаю, что вернутся.

- Тогда задержи их, чтобы я тоже могла посмотреть. Я быстро, одна нога здесь – другая там.

Чарльз Уоллес посмотрел на нее в упор:

- По-моему, мама сейчас хочет, чтобы ей не мешали.

- Да я не собираюсь ей мешать. Я за кардиганом!

- Ну ладно, Мег. – И он вздохнул.

Мег оставила брата сидеть на стене, смотреть на два огромных валуна, принесенных ледником, и ждать своих драконов, или кого он там видел. Ну да, он знает, что она побежала домой, чтобы поговорить с мамой, но если не сознаваться в этом вслух, есть надежда, что ей удастся хотя бы отчасти скрыть

от него свою тревогу.

Мег ворвалась в лабораторию.

Мама сидела на высоком лабораторном табурете. Она не смотрела в стоящий перед ней микроскоп, не писала ничего в блокноте, лежащем у нее на коленях, просто сидела в задумчивости.

– В чем дело, Мег?

Она хотела было вывалить маме, что Чарльз Уоллес говорил про драконов и что раньше у него никогда галлюцинаций не бывало, но поскольку сам Чарльз Уоллес маме про драконов ничего не сказал, это сильно смахивало бы на предательство – хотя, возможно, он просто не хотел ничего говорить при докторе Луизе.

– Так в чем дело, Мег? – повторила мама несколько раздраженно.

– Что с Чарльзом Уоллесом?

Миссис Мёрри положила блокнот на лабораторный стол рядом с микроскопом:

– Его сегодня опять в школе большие мальчишки обидели.

– Я не об этом.

– А о чем ты, Мег?

– Он сказал, ты вызвала доктора Колубру, чтобы она его посмотрела.

– Луиза просто зашла в гости пообедать, вот я и попросила ее заодно на него взглянуть.

– И?

– Что «и», Мег?

- Что с ним не так?

- Мы этого не знаем, Мег. Пока не знаем, во всяком случае.

- Чарльз говорит, ты тревожишься за него.

- Да, тревожусь. А ты что, нет?

- Тревожусь. Но я-то считала, это все школа. А теперь думаю, что не в школе дело. Он просто прошел через сад - и уже весь запыхался. И он слишком бледный. И выдумывает всякое. И вообще, он выглядит... не нравится мне, как он выглядит!

- Мне тоже не нравится.

- В чем же дело? Что с ним? Это вирус какой-то или что?

Миссис Мёрри замялась:

- Я не уверена...

- Мам, ну пожалуйста! Если с Чарльзом и правда все плохо, я уже достаточно взрослая, чтобы знать!

- Да я и не знаю, плохо или нет. И Луиза тоже не знает. Когда мы что-то точно выясним, я тебе скажу. Честное слово.

- Ты ничего не скрываешь?

- Мег, ну какой смысл говорить о том, в чем я сама не уверена? Через несколько дней все станет ясно.

Мег нервно ломала руки.

- Ты и правда очень встревожена...

Миссис Мёрри улыбнулась:

– Мама всегда тревожатся. Где он сейчас?

– Он... я его оставила там, на стене... сказала, что сбегаю домой за кардиганом. Ладно, я побежала, а то он решит...

И Мег, не договорив, пулей вылетела из лаборатории, схватила кардиган, висевший на крючке в кладовой, и кинулась обратно через лужайку.

Когда она прибежала к Чарльзу Уоллесу, он по-прежнему сидел на стене, там, где она его оставила. Драконов не было.

Вообще-то, она и не думала, что там будут драконы. И все равно была разочарована. От этого беспокойство за Чарльза еще усилилось, хотя и ненамного.

– Ну, что сказала мама? – спросил он.

– Ничего.

Чарльз устремил на нее свои большие, пронизательные синие глаза.

– И ничего не говорила про митохондрии? Про фарандолы?

– Что? Нет, с чего бы?

Чарльз Уоллес постукивал резиновыми задниками кед по стене, смотрел на Мег и молчал.

– Нет, с чего вдруг мама должна была говорить о митохондриях? – настаивала Мег. – И кстати – не из-за них ли у тебя начались неприятности в первый же день учебы?

– Я ими очень интересуюсь. И драконами тоже. Ты извини, они пока не возвращались. – Чарльз Уоллес однозначно желал сменить тему. – Давай их еще

немного подождем, ладно? Я скорее предпочел бы иметь дело с драконами, чем с детьми в школе. Спасибо, что ходила ради меня к мистеру Дженкинсу, Мег.

Вообще-то, это была глубокая тайна, покрытая мраком...

– А ты откуда знаешь?

– Знаю, и все.

Мег ссутулилась:

– Ну и толку? Все равно это ничем не помогло...

Она и не надеялась, что поможет. Мистер Дженкинс несколько лет пробыл директором большой районной средней школы. И когда его в этом сентябре внезапно перевели в маленькую деревенскую началку, официальная версия гласила, что здешней начальной школе требуется обновление и что мистер Дженкинс, дескать, единственный, кому это можно доверить. Однако же в деревне поговаривали, что он попросту не справился с хулиганьем в районке. Мег про себя подозревала, что он вообще не способен справиться с кем бы то ни было. И она глубоко сомневалась, что мистер Дженкинс поймет и полюбит Чарльза Уоллеса.

В тот день, когда Чарльз Уоллес пошел в первый раз в первый класс, Мег нервничала куда сильнее, чем он сам. Во время последних уроков она никак не могла сосредоточиться, а когда занятия наконец-то закончились, вернулась домой и обнаружила, что у Чарльза Уоллеса вздулась и кровоточит верхняя губа, а на щеке красуется ссадина. Мег охватило ощущение полной безнадежности – и жгучая ярость. Деревенские всегда считали, что Чарльз Уоллес «странненький» и, кажется, немного не в себе. Забирая письма на почте, покупая яйца в магазине, Мег то и дело перехватывала обрывки разговоров: «А младшенький-то у Мёрри совсем того!», «Говорят, у шибко умных детишки часто рождаются тупыми», «По слухам, он и говорить-то не умеет».

Будь Чарльз Уоллес и вправду глупым, все было бы куда проще. Но Чарльз Уоллес был умный, и у него не очень-то хорошо получалось скрывать, что он знает намного больше всех остальных шестилеток в классе. Один только словарный запас его бы выдал: он и в самом деле заговорил сравнительно

поздно, зато сразу полными предложениями, безо всякого там младенческого лепета. При посторонних он до сих пор почти не разговаривал – это была одна из причин, почему его считали тупицей, – и тут он пошел в первый класс и вдруг заговорил, как... как его родители или сестра. Сэнди с Деннисом – те прекрасно уживались со всеми. Неудивительно, что Чарльза невзлюбили. Все думали, будто он отсталый, а он разговаривает, что твой толковый словарь.

– Ну, ребята, – сказала учительница первого класса в первый школьный день, лучезарно улыбаясь стайке первоклашек, – давайте теперь каждый из вас что-нибудь расскажет мне о себе. – Она заглянула в свой список. – Начнем с Мэри Агнес! Кто у нас Мэри Агнес?

Маленькая девчушка с выпавшим передним зубом и соломенными волосами, заплетенными в две тугие косички, сообщила, что живет на ферме и что у нее есть свои куры – сегодня они снесли целых семнадцать яиц!

– Отлично, Мэри Агнес! Ну а ты, Ричард... тебя зовут Дикки, да?

Толстый мальчик встал, кивнул и улыбнулся от уха до уха.

– Что нам расскажешь ты?

– Мальчишки – они не такие, как девчонки, – начал Дикки. – Мальчишки – они совсем по-другому устроены, потому что они, это...

– Хорошо, Дикки, хорошо. Об этом мы поговорим позднее. Ну, Альбертина, давай теперь ты.

Альбертина осталась в первом классе на второй год. Она встала, оказавшись почти на голову выше всех остальных, и гордо поведала:

– Наше тело состоит из костей, кожи, мышц, кровавых сосудов и всего такого.

– Отлично, Альбертина! Правда, ребята? Я смотрю, у нас в этом году собралась целая компания настоящих ученых! Давайте похлопаем Альбертине! Ну а теперь... – она снова заглянула в свой список, – Чарльз Уоллес. Тебя зовут Чарли, да?

- Нет, - ответил он. - Меня так и зовут - Чарльз Уоллес.

- У тебя ведь родители ученые, да? - спросила она и, не дожидаясь ответа, сказала: - Ну давай расскажи нам что-нибудь.

Чарльз Уоллес («Ну думать же надо было!» - упрекала его вечером Мег) встал и сказал:

- Сейчас меня больше всего интересуют фарандолы и митохондрии.

- Что-что, Чарльз? Какие еще ипохондрии?

- Митохондрии. Митохондрии и фарандолы происходят от прокариот...

- От кого?

- Ну, в общем, несколько миллиардов лет назад они, вероятно, проникли в то, что потом сделалось нашими эукариотическими клетками, и остались там жить. Они обладают собственной ДНК и РНК, а это означает, что они существуют отдельно от нас. Они находятся в симбиотической связи с нами, и что самое удивительное - что мы полностью зависим от них в том, что касается кислорода...

- Ладно, Чарльз, давай-ка ты больше не будешь выдумывать всякие глупости и в следующий раз, как я тебя вызову, постарайся не выпендриваться. А теперь ты, Джордж. Расскажи что-нибудь классу...

В конце второй недели занятий Чарльз Уоллес как-то вечером сидел у Мег на чердаке, в ее комнате в мансарде.

- Слушай, Чарльз, - спросила Мег, - а ты не можешь просто ничего не говорить?

Чарльз Уоллес, в желтых пижамных штанишках, весь облепленный пластырями, с опухшим красным носом, лежал в ногах большой латунной кровати Мег, опустив голову, как на подушку, на блестящий черный бок пса Фортинбраса. Голос у него звучал устало и вяло, хотя тогда Мег не обратила на это внимания.

– Не помогает это. Ничего не помогает. Если я молчу – значит я дуюсь. Если я говорю – я непременно говорю что-нибудь не то. Рабочую тетрадь я исписал – учительница говорит, что это вы мне помогали, а хрестоматию я уже наизусть выучил.

Мег сидела, обняв колени, и смотрела на малыша и собаку. Вообще-то, Фортинбрасу строго-настрого запрещалось валяться на кровати, но тут, в мансарде, это правило не действовало.

– Может, тебя просто перевести во второй класс?

– Там будет еще хуже. Они все настолько больше меня!

Да. Мег понимала, что Чарльз прав.

И она решила сходить к мистеру Дженкинсу. В семь утра она, как обычно, села в школьный автобус. Утро было серое и неприветливое, надвигающийся циклон сулил непогоду. Автобус начальной школы, которому ехать было совсем недалеко, приходил на час позже. На первой остановке, в деревне, Мег незаметно выскользнула из автобуса и прошла пешком две мили до началки. Начальная школа находилась в старом, тесном здании, выкрашенном в традиционный красный цвет. Классы там были переполнены, а учителей не хватало. В общем, школа действительно нуждалась в обновлении – даже налоги подняли, чтобы построить новую.

Мег юркнула в черный ход, который открывали раньше всего. Из холла, от главного входа, где было еще заперто, доносилось гудение электрополотера. Мег под шумок пробежала по коридору, шмыгнула в тесный чулан для метел и привалилась к висящим на стенке швабрам. Швабры зловеще загремели. В чулане пахло пылью и плесенью. Мег от души надеялась, что сумеет не расчихаться до тех пор, пока мистер Дженкинс не придет к себе в кабинет и секретарша не принесет ему дежурную чашку кофе. Мег подвинулась и прислонилась к косяку – отсюда ей сквозь щелочку была видна застекленная дверь кабинета мистера Дженкинса.

У нее опух нос и заболели ноги к тому времени, как в кабинете наконец-то зажегся свет. Потом Мег прождала еще как будто полдня – хотя на самом деле

полчаса, – пока наконец по натертой до блеска плитке пола процокали каблучки секретарши. Потом раздался гам толпы детей, которых впустили в школу. Мег представила себе, как Чарльза Уоллеса со всех сторон пихает волна ребят, большинство из которых намного больше его...

«Как будто заговорщики, накинувшиеся на Юлия Цезаря, – подумала она. – Только Чарльз, конечно, не похож на Цезаря. Впрочем, наверно, в те времена, когда вся Галлия делилась на три части[3 - «Вся Галлия делится на три части», «Gallia est omnis divisa in partes tres» – первая фраза «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря. Это классический текст, который есть во всякой хрестоматии, и фраза эта любому изучавшему латынь так же хорошо известна, как любому русскому известна строчка «У лукоморья дуб зеленый...»], жизнь была намного проще...»

Заверещал звонок на урок. Снова процокала по коридору секретарша. Наверно, кофе понесла мистеру Дженкинсу. Каблучки удалились. Мег выждала, по своим подсчетам, минут пять, потом выбралась из чулана, прижимая указательный палец к верхней губе, чтобы не чихнуть. Она пересекла коридор, постучалась к мистеру Дженкинсу и тут наконец не удержалась и чихнула.

Он, похоже, удивился, увидев ее (еще бы!), – удивился и совершенно не обрадовался, хотя и сказал:

– Нельзя ли спросить, чему я обязан этим приятным визитом?

– Мне надо с вами поговорить! Пожалуйста, мистер Дженкинс!

– А почему ты не в школе?

– Я в школе. Ведь это же школа.

– Мег, будь так любезна, не хами. Я смотрю, за лето ты совершенно не изменилась. А я-то надеялся, что в этом году у меня с тобой проблем не будет! Кто-нибудь знает, где ты находишься?

Его очки сверкали в лучах утреннего солнца, и глаз было совершенно не видно. Мег поправила свои очки, но так и не поняла по его лицу, что он думает, – у него,

как всегда, был такой вид, как будто под нос ему сунули нечто вонючее.

Он чихнул.

– Я попрошу секретаршу отвезти тебя в твою школу. Хотя это означает, что я на добрых полдня останусь без секретаря!

– Да нет, спасибо, я на попутках доберусь.

– Как будто ты без этого мало набедокурила! Ты разве не знаешь, что в нашем штате ездить автостопом противозаконно?

– Мистер Дженкинс, я совсем не об этом хотела поговорить. Я пришла, чтобы поговорить о Чарльзе Уоллесе.

– Маргарет, твое вмешательство крайне неуместно.

– Его большие мальчишки обижают. Если вы их не остановите, рано или поздно они его изобьют всерьез.

– Если кого-то не устраивает, как я разбираюсь с данной ситуацией, и кто-то хочет это со мной обсудить, полагаю, это должны быть твои родители, а не ты.

Мег старалась держать себя в руках, но бессильный гнев заставлял ее говорить все громче и громче.

– Ну, наверно, они умнее меня и заранее знают, что от этого никакого толку не будет! Мистер Дженкинс, я вас умоляю! Я знаю, многие считали, что Чарльз Уоллес не слишком умный, но на самом деле он...

Мистер Дженкинс перебил ее:

– Все наши первоклассники прошли тест на ай-кью. Ай-кью твоего братишки вполне удовлетворителен.

– Мистер Дженкинс, но вы же знаете, что на самом деле он намного умнее! Наши родители тоже проходили с ним всякие тесты. Просто у него ай-кью настолько высокий, что он не вписывается в рамки стандартных тестов.

– По его школьным успехам этого не заметно.

– Ну как же вы не понимаете! Он же нарочно не дает себе работать в полную силу, чтобы мальчишки его не били! Он их не понимает, они не понимают его. Многие ли первоклашки знают про фарандолы?

– Маргарет, я понятия не имею, что ты там мелешь. Все, что я знаю, – это что Чарльз Уоллес кажется мне довольно нездоровым.

– Да все с ним в порядке!

– Он очень бледненький, и у него мешки под глазами.

– Ну а как бы вы сами выглядели, если бы вам то и дело давали в нос и ставили фонари под глаз только за то, что вы знаете больше других?

– Если он такой умный, – мистер Дженкинс смерил Мег ледяным взглядом сквозь выпуклые стекла своих очков, – хотелось бы знать, зачем ваши родители вообще отправили его в школу?

– Да потому, что по закону так положено. А то бы, может, и не отправили бы!

И теперь, стоя на каменной стене рядом с Чарльзом Уоллесом и глядя на два валуна, возле которых не было никаких драконов, Мег вспомнила, что говорил мистер Дженкинс про бледность Чарльза Уоллеса, и содрогнулась.

– Почему люди всегда не доверяют тем, кто на них не похож? И неужели я настолько иной?

Мег провела кончиком языка по зубам – с нее только недавно сняли скобки – и с любовью и печалью посмотрела на брата:

– Ах, Чарльз, я даже не знаю! Я же твоя сестра. Я тебя знаю с рождения. Мы с тобой слишком близки, чтобы я могла сказать «да» или «нет».

Она села на стену, сперва тщательно оглядев место, куда садится: в стене жила большая смирная, совершенно безобидная черная змея. Близнецы ее обожали и наблюдали за ней еще с тех пор, как она была крохотным змеенышем. Теперь змееныш вырос в роскошную змеюку. Змеюку звали Луиза, в честь доктора Луизы Колубры, – близнецы как раз выучили латынь достаточно, чтобы знать, что «colubra» по-латыни «змея».

– Доктор Змея! – говорил Деннис. – Вот смехота!

– Хорошее имя! – сказал Сэнди. – Давай нашу змейку в честь ее назовем. Будет Луиза Большая.

– А почему Большая?

– Чтобы не путать с доктором Луизой!

– Ну, доктор Луиза-то все равно больше змеи!

– Для змеи, которая живет в стене сада, Луиза Большая очень даже большая! – взъерепенился Сэнди. – А доктор Луиза для доктора очень маленькая. Ну, в смысле, как человек. Как доктор-то она о-го-го!

– Ну, докторам-то все равно, какого роста быть. Но ты прав: она действительно маленькая, а наша змея большая.

Близнецы вообще редко спорили, а если расходились во мнениях, то быстро договаривались снова.

– Только доктор Луиза – она больше на птичку похожа, чем на змею.

– Ну а разве змеи и птицы когда-то давно, много миллионов лет назад, не принадлежали к одному типу – или как это называется? В общем, по-моему, Луиза – отличное имя для нашей змеи!

К счастью, доктора Луизу это от души позабавило. Люди вообще недопонимают змей, сказала она близнецам, и она лично считает за честь, что ее именем назвали такую прекрасную змею. Кроме того, добавила она, змея украшает собой кадуцей, эмблему профессии врача, так что это более чем уместно.

С тех пор как змею окрестили Луизой Большой, она заметно подросла, и Мег, хотя и не боялась ее по-настоящему, все же, прежде чем сесть, каждый раз оглядывалась, нет ли там Луизы. Впрочем, Луизы было не видно, так что Мег успокоилась и снова вернулась мыслями к Чарльзу Уоллесу.

– Слушай, ты, конечно, намного умнее близнецов, но ведь и они не дураки. Как же они-то выживают?

Чарльз Уоллес сказал:

– Хотел бы я знать! Но они не говорят.

– Для начала – в школе они не говорят так, как дома.

– Ну я же думал, что, раз мне интересно про митохондрии и фарандолы, другим тоже будет интересно!

– Ты был неправ.

– Но ведь мне же это правда интересно. Вот ведь странно...

– Ну, если у тебя родители – физик и биолог, это не так уж и странно, мне кажется.

– Я имею в виду, что большинство людей ничем таким не интересуются.

– Так ведь у них же родители не ученые. Нам от родителей вообще досталось много недостатков. Вот я, например, никогда не буду такой красивой, как мама...

Чарльзу Уоллесу давно надоело разубеждать Мег.

- В фарндолах самое невероятное - это их размеры!

Мег думала про свои волосы. Скучные, прямые и цветом - как шерсть у мыши-полевки. То ли дело - мамины каштановые кудри!

- А что?

- Они же такие крохотные! Максимум, что с ними можно сделать, - это обнаружить их существование. А разглядеть их не получится даже в самый мощный электронный микроскоп. Но они для нас очень важны, без них мы бы не выжили. А в школе это никому ни капельки не интересно! У нашей учительницы мозгов как у кузнечика. Быть сыном известных родителей - это совсем не преимущество, как ты и говорила...

- Если бы они не были известными - а я могу поспорить, весь город знает, когда нам звонят из Лос-Аламоса или когда папа ездит в Белый дом, - нам бы было не легче. Мы просто не такие, как все, вся наша семья. Ну, кроме близнецов. У них все в порядке. Может, это потому, что они нормальные. Или просто умеют притворяться нормальными. Но с другой стороны, что вообще значит «нормальный»? Как это определишь? А почему ты так интересуешься фарндолами?

- Мама над ними работает.

- Она много над чем работает, тебя это раньше никогда особо не интересовало.

- Если мама докажет, что они действительно существуют, она, наверно, Нобелевскую премию получит!

- Ну и что? Тебя же явно не это грызет.

- Мег, а если с нашими фарндолами что-то случится - ведь это же будет катастрофа!

- Почему?

Мег передернула плечами – ей вдруг и правда сделалось холодно. Она застегнула свой кардиган. По небу неслись облака, поднимался ветер.

– Помнишь, я упоминал про митохондрии?

– Ну да. И что?

– Митохондрии – это крохотные живые организмы, живущие внутри наших клеток. Можешь себе представить, какие они маленькие?

– Ну да.

– Для митохондрии человек – это целый мир, так же как для нас – наша планета. Но в то же время мы куда сильнее зависим от своих митохондрий, чем планета зависит от нас. Земля прекрасно может обойтись и без людей, а вот если что-нибудь случится с нашими митохондриями, нам конец!

– А почему с ними вдруг что-то должно случиться?

Чарльз Уоллес слегка пожал плечами. В сумерках он казался особенно бледным.

– Ну, с людьми же происходят несчастные случаи. Болезни всякие. Что-нибудь случиться может с кем угодно. Но судя по тому, что я слышал от мамы, у многих митохондрий какие-то проблемы из-за фарандол.

– Мама тебе прямо так и сказала?

– Отчасти. Остальное я просто... ну, собрал.

Чарльз Уоллес постоянно собирал сведения из мыслей мамы, из мыслей Мег – будто ромашки на лугу.

– Так что же такое эти фарандолы?

Она поерзала, усаживаясь поудобнее, – камни стены были жесткие.

– Фарандолы живут внутри митохондрии точно так же, как митохондрия живет внутри человеческой клетки. Они обладают своим собственным генетическим кодом, независимым от кода их митохондрии, так же как у митохондрий свой генетический код, независимый от нашего. А если с фарандолами внутри митохондрии что-то случается, то митохондрия... ну, заболевает. Возможно, даже умирает.

Увядший листок сорвался с ветки и проплыл мимо щеки Мег.

– А почему с ними вдруг что-то должно случиться? – снова спросила она.

И Чарльз Уоллес снова ответил:

– Ну, с людьми же происходят несчастные случаи, верно? Болезни всякие. Потом, люди друг друга убивают на войне...

– Да, но ведь это же люди. А почему ты так беспокоишься об этих митохондриях и фарандолах?

– Мег, мама день и ночь работает у себя в лаборатории, буквально круглыми сутками, вот уже несколько недель. Ты и сама это заметила.

– Ну, так часто бывает, когда она чем-то увлечена.

– Так вот, она занимается фарандолами. Она думает, что ей удалось доказать их существование, изучая некоторые митохондрии – митохондрии, которые умирают.

– Ты же не распространяешься обо всем этом в школе, а?

– Мег, я все-таки способен кое-чему научиться. Ты меня просто не слушаешь!

– Я переживаю за тебя, вот и все.

– Тогда выслушай меня! Мама так много сидит в лаборатории, пытаюсь выяснить, как фарандолы влияют на митохондрии, потому что считает, что с моими митохондриями что-то не так.

- Что-о?!

Мег спрыгнула со стены и развернулась лицом к брату.

Он сказал очень тихо, так, что ей пришлось наклониться вплотную, чтобы слышать:

- Если мои митохондрии болят, то и я тоже.

Страх, который Мег так долго сдерживала, грозил вот-вот вырваться на волю.

- Насколько это серьезно? Мама не может тебе дать какую-нибудь таблетку?

- Не знаю. Она со мной об этом разговаривать не хочет. Это всё мои догадки. Она пытается скрыть от меня все это, пока не разберется как следует, и мне приходится просачиваться через щелочки. Может, там на самом деле ничего серьезного. Может быть, это все из-за школы - меня ведь действительно колотят и валяют по полу почти каждый день. Этого достаточно, чтобы я... Эй! Погляди-ка на Луизу!

Мег обернулась, проследила направление его взгляда. Луиза Большая стремительно и упруго скользила по камням стены в их сторону, и ее черные извивы отливали пурпуром и серебром в лучах осеннего солнца.

- Чарльз! Бежим! - крикнула Мег.

Он не шелохнулся:

- Она нам ничего не сделает.

- Скорее, Чарльз! Она сейчас нападет!

Но Луиза остановилась всего в нескольких футах[4 - 1 фут - примерно 30 см.] от Чарльза Уоллеса и поднялась на хвосте почти во весь рост, опираясь на какие-то последние дюймы своего тела и озираясь по сторонам, как будто чего-то ждала.

- Поблизости кто-то есть, – сказал Чарльз Уоллес. – Кто-то, кого она знает.

- Д... драконы?

- Не знаю. Я ничего не вижу. Тише, дай мне прислушаться... – Он зажмурил глаза – не затем, чтобы перестать видеть Луизу или Мег, а затем, чтобы лучше сосредоточиться на внутреннем зрении. – Да... кажется, драконы... и человек – но не просто человек... очень высокий и... – Мальчик открыл глаза и указал в тень, туда, где яблони росли гуще всего. – Смотри!

Мег показалось, что она видит смутный гигантский силуэт, движущийся в их сторону, но прежде, чем она успела что-то как следует разглядеть, через сад примчался Фортинбрас и разразился бешеным лаем. Лай был не злой, а скорее приветственный, каким он встречал кого-нибудь из старших Мёрри после того, как их долго не было дома. А потом Фортинбрас задрал лохматый черный хвост и, принюхиваясь, подрагивая ноздрями, пробежал вдоль сада, перемахнул через стену на северный выгон и помчался, все так же принюхиваясь, к одному из больших ледниковых валунов.

Чарльз Уоллес, пыхтя и отдуваясь, побежал следом:

- Он бежит туда, где были мои драконы! Пошли, Мег, вдруг он учуял драконьи феции!

Мег бросилась за мальчиком и собакой.

- Драконий помет? А как ты его отличишь? Скорее всего, драконьи феции похожи на коровьи лепешки, только очень большие!

Чарльз Уоллес упал на четвереньки:

- Гляди!

На мху у валуна красовалась россыпь перьев. И эти перья были совсем не похожи на птичьи. Они были удивительно мягкие и в то же время искрящиеся; а между перьями попадались блестящие, золотые с серебром, листовидные чешуйки. Мег подумала, что они вполне могут принадлежать драконам.

– Вот видишь, Мег? Они тут были! Они были тут, мои драконы!

Глава вторая

Разрыв в Галактике

Мег с Чарльзом Уоллесом возвращались домой молча, погруженные в странные, непривычные мысли. Смеркалось, поднимался ветер. Близнецы ждали их. Они хотели вытащить Чарльза Уоллеса на улицу поиграть в мяч.

– Темно ведь уже, – возразил Чарльз Уоллес.

– Да ладно, несколько минут у нас еще есть. Пошли, Чарльз! Ты, конечно, умный, но в мяч играешь из рук вон плохо. Я вот в шесть лет уже нормально кидал, а ты только ловишь, и то еле-еле.

Деннис хлопнул Чарльза по спине. Этот хлопок больше смахивал на тумак.

– Да ладно, у него уже лучше получается! Пошли, пошли, у нас всего несколько минут!

Чарльз Уоллес мотнул головой. Он не стал говорить, что плохо себя чувствует, просто твердо ответил:

– Не сегодня.

Мег оставила близнецов спорить с ним и вошла на кухню. Миссис Мёрри как раз появилась из своей лаборатории, все еще с головой погруженная в работу. Она рассеянно заглянула в холодильник.

Мег подошла к ней:

– Мама, Чарльз Уоллес думает, что у него что-то не так с митохондриями, или с фарандами, или с чем-то там еще.

Миссис Мёрри захлопнула дверцу холодильника:

- Иногда Чарльз Уоллес слишком много думает!

- А что говорит доктор Колубра? Ну, про митохондрии и все вот это?

- Что такое тоже возможно. Луиза считает, что тяжелый грипп, который ходит этой осенью и от которого несколько человек уже умерли, на самом деле, возможно, не грипп, а митохондрит.

- И что, у Чарльза может быть именно он?

- Не знаю, Мег. Я пытаюсь выяснить. Когда я что-нибудь узнаю, я тебе скажу. Я ведь уже говорила. А пока оставь меня в покое.

Мег отступила на шаг и опустилась на один из стульев у обеденного стола. Ее мама никогда не говорила с детьми таким холодным, отстраненным тоном. Видимо, она действительно всерьез встревожена...

Миссис Мёрри посмотрела на Мег с виноватой улыбкой:

- Извини, Мегатрон. Я не нарочно. Просто я в сложном положении: я знаю о возможных заболеваниях, связанных с митохондриями, больше, чем кто бы то ни было еще в наше время. И я совсем не ожидала так скоро столкнуться с результатами своей работы. И мне до сих пор слишком мало известно, чтобы сказать тебе - или Луизе - хоть что-то определенное. Ну а пока нам нет смысла волноваться - мы же так и не знаем, в чем истинная причина. Пока нам лучше заняться школьными проблемами Чарльза Уоллеса.

- А он достаточно хорошо себя чувствует, чтобы ходить в школу?

- Думаю, да. По крайней мере, пока. Я не хочу забирать его из школы без особой необходимости.

- Почему?

– Мег, рано или поздно ему все равно придется туда вернуться, и тогда все будет намного хуже. Если он сумеет преодолеть эти первые несколько недель...

– Мам, в здешних краях просто никто никогда не видел такого шестилетнего мальчика, как Чарльз Уоллес.

– Да, он действительно чрезвычайно умен. Однако в свое время считалось нормальным, когда двенадцати-, тринадцатилетние мальчики заканчивали Гарвард, Оксфорд или Кембридж.

– В наше время это нормальным не считается. И вы с папой его в шесть лет в Гарвард все равно не пошлете. И вообще, дело не только в том, что он умный. Откуда он знает все наши мысли и чувства? Я не знаю, много ли ты ему рассказывала, но он ужасно много знает о митохондриях и фарандолах.

– Я ему рассказывала достаточно много.

– Он знает больше, чем «достаточно много». И он знает, что ты из-за него тревожишься.

Миссис Мёрри присела на один из высоких табуретов у кухонной стойки, отделяющей рабочую зону кухни от остальной ее части, ярко освещенной, безалаберной комнаты, где и ели, и занимались.

Она вздохнула:

– Ты права, Мег. У Чарльза Уоллеса не только хорошие мозги, но еще и необычайно развитая интуиция. Если он сумеет научиться управлять этими способностями и направлять их в нужное русло, когда вырастет... если... – Она осеклась. – Ладно, мне пора заняться ужином.

Мег знала, когда от мамы лучше отстать.

– Давай я помогу. Что у нас есть из продуктов?

Про драконов Чарльза Уоллеса она ничего не сказала. Не сказала она и про странное поведение Луизы Большой, и про тень, которую они так и не успели

разглядеть как следует.

- Например, можно сделать спагетти. - Миссис Мёрри откинула со лба темно-рыжий локон. - Это быстро, просто и в самый раз для осеннего вечера.

- А еще у нас полно помидоров, сладкого перца и других овощей с огорода близнецов! Знаешь, мам, я очень люблю близнецов, даже когда они меня выводят из себя, но Чарльза...

- Знаю, Мег, знаю. У вас с Чарльзом всегда были особые отношения.

- Мам, я просто не могу вынести того, что с ним делают в школе!

- Я тоже, Мег.

- Ну и что же вы предпринимаете?

- Мы очень стараемся ничего не предпринимать. Забрать Чарльза из школы было бы проще всего. Мы же думали об этом с самого начала, еще до того, как у него... Но ведь Чарльзу Уоллесу придется жить в мире людей, которые мыслят не так, как он. И чем раньше он начнет учиться уживаться с ними, тем лучше. Вы с Чарльзом не умеете приспосабливаться, как близнецы.

- Чарльз же намного умнее близнецов!

- Ни одна форма жизни, которая не может приспосабливаться, долго не протянет.

- И все равно мне это не нравится.

- Нам с твоим папой это тоже не нравится, Мег. Потерпи уж, раз мы терпим. Не забывай, ты постоянно все портишь тем, что вмешиваешься, когда надо просто подождать и проявить терпение.

- С терпением у меня плохо.

– Это ты мне говоришь?

Миссис Мёрри достала из овощного ящика помидоры, лук, зеленый и красный перец, чеснок и порей. Она принялась крошить лук на большую чугунную сковороду.

– Знаешь, Мег, – задумчиво сказала Миссис Мёрри, – тебе ведь и самой нелегко приходилось в школе.

– Да, но не так, как Чарльзу! И потом, я не такая способная, как он, – разве что в математике.

– Может быть, и нет – хотя ты в целом склонна недооценивать свои особые способности. Но я, собственно, вот к чему: в этом году ты, кажется, наконец-то прижилась в школе и стала находить ее более или менее сносной.

– Это потому, что мистера Дженкинса больше нет. И еще благодаря Кальвину О’Кифу. Кальвина в школе уважают. Он наша баскетбольная звезда, президент выпускного класса и все такое. Так что если Кальвину кто-то нравится, этот человек вроде как защищен его... его влиянием.

– А как по-твоему, почему ты нравишься Кальвину?

– Да уж не за красоту, конечно!

– Но ведь ты ему нравишься? Правда, Мег?

– Ну да, похоже на то, хотя Кальвину много кто нравится. А если он захочет, с ним будет дружить любая девочка в школе.

– Но выбрал он все-таки тебя, да?

Мег почувствовала, что краснеет, и прижала ладони к щекам:

– Ну да, но дело же не в этом! Мы просто столько всего пережили вместе. И он не то чтобы мой парень, мы просто дружим – ну, я хочу сказать, мы не такие, как большинство ребят.

– Я очень рада, что вы с ним дружите. Мне этот тощий морковно-рыжий молодой человек очень даже по душе.

Мег рассмеялась:

– По-моему, Кальвин тебя принимает за Афину Палладу. Ты для него идеал! И он нас всех любит. Потому что его собственная семья просто ужасная. На самом деле мне кажется, что он ко мне так относится только из-за нашей семьи.

Миссис Мёрри вздохнула:

– Мег, тебе не надоело скромничать?

– Может, я хоть готовить научусь так же хорошо, как ты... А ты знаешь, что это один из братьев Кальвина отлупил сегодня Чарльза Уоллеса? Он наверняка очень расстроился – я имею в виду не Уиппи, ему-то наплевать, а Кальвин расстроился. Наверняка ему уже кто-нибудь сказал.

– А ты не хочешь ему позвонить?

– Только не я! Только не Кальвину! Я лучше подожду. Может, он в гости зайдет или еще что-нибудь. – Мег вздохнула. – Ну вот почему жизнь такая сложная? Мам, как ты думаешь, а у меня когда-нибудь будет две ученые степени, как у тебя?

Миссис Мёрри, нарезавшая перцы, расхохоталась, вскинув голову:

– Послушай, но это вовсе не решение всех проблем! Есть же и другие выходы. И вот сейчас, например, меня куда больше интересует, не переложила ли я в соус для спагетти красного перца. А то я со счета сбилась.

Они как раз сели ужинать, когда позвонил мистер Мёрри и сказал, что из Вашингтона поедет прямо в Брукхейвен[5 - В Брукхейвене находится национальная лаборатория, где проводятся исследования по ядерной физике.] и пробудет там неделю. Родители часто уезжали в такие командировки, но вот сейчас все, из-за чего папа или мама надолго уезжают из дома, казалось Мег зловещим.

– Ну, надеюсь, он не будет скучать. У него там много друзей, – скрепя сердце сказала она.

Однако в душе Мег страшно хотелось, чтобы ночью папа с мамой были дома. И не только из-за ее страхов по поводу Чарльза Уоллеса: Мег вдруг начало казаться, будто весь мир сделался непрочным и ненадежным. Осенью в нескольких домах по соседству забрались воры и, хотя ничего особенно ценного не пропало, распотрошили шкафы, явно нарочно, продукты раскидали по полу в гостиных, обивку на мебели порезали... Даже их мирная деревенька сделалась непредсказуемой, иррациональной и опасной, и хотя Мег уже давно начала понимать это умом, никогда прежде она этого не чувствовала всем своим существом. А вот теперь у нее сосало под ложечкой от холодного осознания того, насколько ненадежна любая жизнь, как бы тщательно ты все ни планировал. Она сглотнула.

Чарльз Уоллес посмотрел на нее и без улыбки произнес:

– «А ты убежище от вьюг найти мечтал...»

– «Когда вломился тяжелый плуг к тебе в подвал»[6 - Из стихотворения Роберта Бернса «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом», пер. С. Маршака.], – закончил Сэнди.

– Человек предполагает, а Господь располагает! – добавил Деннис, не желая отставать.

Близнецы протянули тарелки за добавкой спагетти: ни тот ни другой на аппетит никогда не жаловались.

– А зачем папе торчать там целую неделю? – спросил Сэнди.

– Ну, у него же работа все-таки, – сказал Деннис. – Знаешь, мам, по-моему, острого перца в соусе могло бы быть и побольше.

– Он вообще все время где-то пропадает этой осенью. Мог бы хотя бы немного пожить дома, с семьей. А по-моему, нормальный соус.

- Нормальный, конечно. Просто я бы предпочел поострее.

Мег думала не про спагетти, хотя машинально посыпала их тертым сыром. Она думала о том, что было бы, если бы Чарльз Уоллес рассказал маме про драконов. Ведь если на северном выгоне действительно поселились драконы – или, по крайней мере, что-то очень похожее, – наверное, родителям следует об этом знать?

- Когда вырасту, – сказал Сэнди, – стану банкиром и буду делать деньги. Хоть кто-то в этой семье должен поддерживать связь с реальностью.

- Нет, мам, не то чтобы мы считаем, будто наука не имеет отношения к реальности, – сказал Деннис, – но ведь вы же с папой не практики, а теоретики!

- Знаешь, Сэнди, – возразила миссис Мёрри, – не так уж я непрактична. Да и ваш папа тоже.

- Сидеть часами, глядя в электронный микроскоп, и слушать этот, как его, микросонар – оч-чень практично! – воскликнул Сэнди.

- Ты просто смотришь на то, чего никто больше не видит, – добавил Деннис, – слушаешь то, чего никто больше не слышит, и думаешь об этом, вот и все!

- Если бы побольше людей научились думать – было бы очень даже хорошо! – вступилась за маму Мег. – А когда мама думает о чем-нибудь достаточно долго, она потом находит этому применение на практике. А не она, так кто-нибудь другой.

Чарльз Уоллес с довольным видом склонил голову набок:

- «Практично» – это значит, что нечто работает на практике?

Мама кивнула.

- То есть не важно, что мама просто сидит и думает. Или что папа неделями ломает голову над каким-нибудь уравнением. Даже если он его записывает прямо на скатерти. Если кто-то сумеет заставить его уравнения работать на

практике, значит они практичны. – Он полез в карман, как будто в ответ на размышления Мег о драконах, и достал перо – не птичье перо, а странное, блестящее перо, которое засверкало под лампой. – Ну-ка, практичные мои братья, что это такое?

Сидевший рядом с Чарльзом Уоллесом Сэнди наклонился над драконьим пером:

– Перо.

Деннис встал и обошел вокруг стола, чтобы разглядеть получше:

– Ну-ка дай-ка...

Чарльз Уоллес показал перо им обоим:

– И что это за перо?

– Ух ты, странное какое! – Сэнди потрогал кончик пера. – По-моему, оно не птичье...

– Почему? – спросил Чарльз Уоллес.

– Ость странная.

– Какая еще ость? – не поняла Мег.

– Ну, стержень пера. Он должен быть полый, а тут он сплошной и вроде как металлический. Слушай, Чарльз, а где ты это взял?

Чарльз Уоллес протянул перо маме. Мама внимательно рассмотрела его:

– Сэнди прав. Стержень совсем не птичий.

– А тогда чей же?.. – начал было Деннис.

Чарльз Уоллес забрал перо и спрятал его в карман:

– Оно лежало на земле у валунов на северном выгоне. И оно там было не одно. Их довольно много.

У Мег вырвался истерический смешок:

– Мы с Чарльзом думаем, что это драконьи феции.

Сэнди обернулся к ней с видом уязвленного достоинства:

– Что-что? Драконий помет? Скажешь тоже!

– Не мели ерунды! – поддержал его Деннис. – Мам, ты не знаешь, что это такое?

Мама покачала головой:

– А ты как думаешь, Чарльз?

Чарльз Уоллес ушел в себя – с ним иногда бывало такое. Когда Мег уже решила, что он ничего не ответит, он сказал:

– Это то, чего в практическом мире Сэнди и Денниса не существует. Когда разузнаю подробнее, скажу.

Сейчас он говорил совсем как мама.

– Ну ладно. – Деннис тут же потерял к этому разговору интерес. Он снова сел за стол. – Папа тебе не сказал, с чего вдруг он так срочно сорвался в Брукхейвен? Или это очередная государственная тайна?

Миссис Мёрри опустила глаза, посмотрела на клетчатую скатерть, на остатки уравнения, которое так и не отстиралось. Она много лет пыталась отучить мужа записывать уравнения на всем, что только под руку подвернется, но так и не сумела.

– Да нет, никакая это не тайна. Об этом даже в газетах кое-что писали.

- О чем? – спросил Сэнди.

- О необъяснимом явлении – не в нашей части Галактики, а на дальнем ее конце и в нескольких других галактиках тоже. Ну... проще всего будет сказать, что наши новые сверхчувствительные акустические приборы стали улавливать странные звуки – не в обычном диапазоне, а значительно более высокие. И каждый раз после такого звука – «космического вопля», как его окрестили падкие на сенсации журналисты, – в Галактике возникает небольшой разрыв.

- А что это значит? – спросил Деннис.

- Похоже, это значит, что несколько звезд исчезают.

- Исчезают? Куда?

- Вот это-то и есть самое странное. Они исчезают совсем. Полностью. Там, где когда-то были звезды, теперь, насколько можно определить с помощью приборов, больше ничего нет. Помните, ваш папа в прошлом месяце ездил в Калифорнию, в обсерваторию на горе Паломар?

- Но ведь ничто не может просто взять и исчезнуть, – сказал Сэнди. – Мы это в школе проходили – термодинамическое равновесие, закон сохранения материи и энергии и все такое.

- Так вот, – тихо сказала мама, – похоже, это равновесие нарушено!

- В смысле, вроде как в экологии?

- Нет. Я имею в виду, что, похоже, материя в самом деле уничтожима.

- Но этого просто не может быть! – отрезал Деннис.

- $E = mc^2$, – добавил Сэнди. – Вещество может быть преобразовано в энергию, энергия может быть преобразована в вещество. Либо то, либо другое.

Миссис Мёрри сказала:

– До сих пор закон Эйнштейна еще ни разу не был опровергнут. Но теперь это под вопросом.

– Ничто... пустота... – проговорил Деннис. – Да нет, это невозможно.

– Хотелось бы надеяться.

– И из-за этого-то папа и разъезжает по командировкам?

– Да. Он консультируется с другими учеными. С Шасти из Индии, с Шень Шу из Китая – ну, вы про них знаете.

За окнами внезапно полыхнуло и раздался оглушительный раскат грома. Стекла задребезжали. Дверь кухни распахнулась настежь. Все вздрогнули.

Мег вскочила на ноги:

– Мамочка!..

– Мег, сядь. Ты что, грома никогда не слышала?

– А это точно не этот... космический вопль?

Сэнди затворил дверь.

– Ну конечно нет! – успокоила ее миссис Мёрри. – Те звуки совершенно не слышны для человеческого уха.

Снова полыхнула молния. Прогрохотал гром.

– На самом деле в мире существует всего два прибора, достаточно тонких, чтобы уловить этот звук. Он невероятно высокий. Вполне возможно, что эти звуки раздавались на протяжении миллиардов лет – просто у нас только теперь появились приборы, способные их улавливать.

– А вот птицы способны слышать звуки намного выше нашего нормального диапазона, – заметил Сэнди. – В смысле, ультразвук, которого мы вообще не слышим.

– Нет, птицы этого тоже не слышат.

– Интересно, – сказал Деннис, – а змеи способны слышать такие же высокие звуки, как птицы?

– У змей же ушей нет! – возразил Сэнди.

– Ну и что? Они все равно чувствуют вибрации и звуковые волны. Думаю, Луиза слышит много всего, что недоступно человеческому уху. А что у нас на десерт?

Мег сказала, по-прежнему напряженно:

– Гроза в октябре – это как-то необычно...

– Мег, успокойся, пожалуйста. – Миссис Мёрри принялась убирать со стола. – Если ты дашь себе труд подумать, то вспомнишь, что у нас в любом месяце бывали грозы не по сезону.

– Ну вот почему Мег вечно делает из мухи слона? – сказал Сэнди. – Почему ей из всего надо раздуть вселенскую трагедию? Так что на десерт-то?

– Я не... – возмутилась было Мег, но тут же вздрогнула: по окнам хлестнул ливень.

– В морозилке есть немного мороженого, – сказала миссис Мёрри. – Вы извините, мне было как-то не до десертов.

– Десерт могла бы и Мег приготовить, – сказал Деннис. – Знаешь, Мег, пирожков от тебя никто не ждет, но желе из пакетика даже ты сделать способна!

Чарльз Уоллес перехватил взгляд Мег, и она смолчала. Он снова сунул руку в карман, хотя перо на этот раз доставать не стал, и тайком улыбнулся ей. Наверно, он не переставал думать о своих драконах, но при этом внимательно

слушал и разговор, и грозу, слегка склонив голову набок.

- Мама, а этот разрыв в Галактике - он на нашу Солнечную систему как-нибудь влияет?

- А вот это нам всем хотелось бы знать, - ответила миссис Мёрри.

Сэнди раздраженно махнул рукой:

- Для меня это все чересчур сложно! По-моему, банковское дело намного проще.

- А главное, прибыльнее, - добавил Деннис.

Окна дребезжали на ветру. Близнецы смотрели во тьму, на хлещущий ливень.

- Хорошо, что мы так много овощей успели собрать и занести в дом перед ужином!

- Это еще дождь или уже град?

- А оно опасно - это... этот разрыв в небе, или как его там? - нервно спросила Мег.

- Мег, мы ведь на самом деле действительно ничего об этом не знаем. Может быть, это происходило всегда, просто у нас только теперь появились приборы, способные это зарегистрировать.

- Ну да, как фарандолы, - сказал Чарльз Уоллес. - Нам всегда кажется чем-то новым то, что мы только что открыли.

- Так это опасно или нет? - переспросила Мег.

- Мег, мы об этом просто слишком мало знаем. Вот почему твоему папе и его коллегам-физикам так срочно понадобилось встретиться.

- Но это может быть опасным?

- Опасным может быть все, что угодно.

Мег уткнулась в свою тарелку с недоеденным спагетти. Драконы. Разрывы в небе. Луиза и Фортинбрас, встречающие кого-то огромного и непонятного. Чарльз Уоллес, бледный и безучастный... Все это ей очень не нравилось.

- Я помою посуду, - сказала она маме.

Они молча прибрались на кухне. Миссис Мёрри отправила упирающихся близнецов репетировать для школьного оркестра. Деннис играл на флейте - и очень неплохо играл, - а Сэнди аккомпанировал ему на фортепьяно - и у него выходило куда хуже. Однако это были приятные, привычные звуки, и Мег мало-помалу успокоилась. Когда посудомойка загудела, а кастрюльки и сковородки были вычищены до блеска и развешены по своим крючкам, она пошла к себе наверх, в мансарду, делать домашнюю работу. Считалось, что мансарда - личная территория Мег, где ей никто не мешает. Все это было бы здорово, только на самом деле ей то и дело мешали: за стенкой мансарды, в открытой части чердака, близнецы держали свою железную дорогу, там же стоял стол для пинг-понга и валялось все, что внизу было не нужно, а выкинуть было жалко. Хотя мансарда Мег была в дальнем конце чердака, близнецы могли запросто зайти к ней, когда им требовалась помощь в математике. А Чарльз Уоллес всегда без слов знал, когда она не в своей тарелке. Он приходил в мансарду и садился в ногах кровати. Мег была всегда рада Чарльзу Уоллесу, кроме тех случаев, когда она переживала именно из-за него. Вот сейчас ей его видеть не хотелось.

Дождь по-прежнему барабанил в окно, но уже не так сильно. Южный ветер менялся на западный; гроза уходила прочь, и на улице холодало. В мансарде было холодно, но Мег не стала включать маленький электрический обогреватель, который купили ей родители, - тепла, которое поступало на чердак с первого этажа, было явно недостаточно. Вместо этого девочка, бросив учебники, на цыпочках прокралась обратно на первый этаж, аккуратно переступив седьмую ступеньку, которая не просто скрипела, а иной раз еще и громыхала, как выстрел из ружья.

Близнецы по-прежнему музицировали. Мама сидела в гостиной у камина и читала Чарльзу Уоллесу - не какую-нибудь книжку о поездах или о животных, которые обожали в его возрасте близнецы, а статью из научного журнала, озаглавленную «О поляризуемости и гиперполяризуемости малых молекул»,

написанную химиком-теоретиком Питером Либманом.

«О-хо-хо! – грустно подумала Мег. – Родители читают ему такое на ночь и после этого хотят, чтобы у него не было проблем в школе?»

Чарльз Уоллес лежал, растянувшись на полу у камина, как обычно положив голову на мягкий бок Фортинбраса, словно на подушку, и глядя в огонь; слушал вполуха и думал о чем-то своем. Мег охотно взяла бы Форта с собой, но тогда бы вся семья узнала, что она решила выйти из дома. Девочка торопливо и бесшумно прошмыгнула на кухню, а оттуда – в кладовку. Когда Мег затворяла за собой дверь кухни – медленно, осторожно, чтобы никто ничего не услышал, – дверь кладовки вдруг с грохотом распахнулась, а дверь в мамину лабораторию, слева, наоборот, захлопнулась от порыва ветра.

Мег застыла и прислушалась, ожидая, что кто-нибудь из близнецов откроет дверь кухни, чтобы узнать, что случилось. Но никто не появился – только ветер дико завывал в кладовке. Мег передернула плечами, схватила первые попавшиеся под руку непромокаемые вещи – черное прорезиненное пончо, принадлежавшее близнецам и выполнявшее по совместительству должность пола в палатке, и желтенькую зюйдвестку[7 - Зюйдвестка – непромокаемая шапка-капюшон, обычный головной убор моряков и рыбаков.] Чарльза Уоллеса. Потом сняла с крючка большой фонарик, плотно закрыла за собой дверь кладовки, побежала через лужайку, споткнулась о крокетные воротца. Прихрамывая, прошла через заросли одуванчиков, лопухов и молочая, которые разрослись в проходе, прорубленном близнецами в барбарисовой живой изгороди. Очутившись в огороде, Мег понадеялась, что отсюда ее уже никто не увидит, даже если вдруг выглянет в окно. Можно себе представить, что сказали бы Сэнди с Деннисом, если бы они ее спросили, куда это она собралась на ночь глядя, а она им – драконов искать!

А зачем, на самом деле, она из дома-то вышла? Что она, собственно, ищет? Драконов, что ли? Фортинбрас и Луиза оба видели – и не боялись! – кого-то, кто оставил эти перья и чешуйки. И этому кому-то, скорее всего, довольно неудобно там, на мокром выгоне. И если оно... они... явятся искать убежища в доме, она хочет быть к этому готова.

Не только к драконам – в драконов-то она не особенно верила, несмотря на все свое доверие к Чарльзу Уоллесу и это перо с необычным стержнем, – но еще и к Луизе Большой. Близнецы всегда говорили, что Луиза змея необыкновенная, но

сегодня Мег впервые увидела признаки того, что Луиза и в самом деле не обычная змея, какую можно встретить в любом саду.

Мег взгляделась в пятна тени на стене, но Луизы там не было. Мег медлила – не очень-то ей хотелось идти через сад и выходить потом на северный выгон, к двум ледниковым валунам. Несколько минут она стояла в привычном, безопасном огороде, набираясь мужества. Она не боялась, что ее обнаружат, – вряд ли близнецам в такой дождливый вечер придет в голову полюбоваться последними кочанами капусты или огуречной грядкой, на которой созревала их гордость – огуречище размером с кабачок.

С востока вдоль огорода тянулись два ряда подсолнухов, которые стояли, понуриив свои тяжелые головы, и в темноте смахивали на полчище ведьм. Мег нервно поглядывала на них. С подсолнухов уныло и равнодушно падали дождевые капли, но с неба больше не капало. Из-за редяющих облаков время от времени проглядывала полная луна, и тогда овощи в огороде начинали смахивать на странных, призрачных чудовищ. Опустевшие грядки, на которых когда-то росли бобы, салат и горошек, выглядели одинокими и заброшенными. И на всем тщательно распланированном огородике лежала печать грусти и смятения.

– Все насмарку, все сикось-накось! – сказала Мег, обращаясь к нескольким оставшимся кочанам цветной капусты. – Видано ли такое в нашей свободной стране, чтобы ребенку было опасно ходить в школу?

Она медленно пошла вдоль стены яблоневого сада. Налетевший порыв ветра внезапно унес прочь пряный аромат падалицы. Ветер сменил направление и дул теперь вдоль огорода, с северо-запада, резкий и пахнувший морозом. Мег увидела, как на стене шевельнулась тень, и шарахнулась назад. Луиза Большая! Наверно, это Луиза. Но все равно: Мег не могла перелезть через стену и пройти через сад, пока не убедится, что это не Луиза и не та мельком увиденная фигура прячется в саду и только и ждет, чтобы наброситься. Ноги сделались ватные; Мег присела на здоровенную приплюснутую тыкву и стала ждать. Холодный ветер коснулся щеки; хохолки кукурузы шелестели, как морской прибой. Девочка опасливо озиралась по сторонам. Она сообразила, что смотрит сквозь очки, забрызганные дождевыми каплями, падавшими на нее с подсолнухов и кукурузы, поэтому сняла очки, достала из-под пончо подол юбки и протерла линзы. Стало получше, хотя мир по-прежнему выглядел немного размытым, как будто под водой.

Мег вслушивалась, вслушивалась... Из сада доносились глухие удары падающих яблок. Ветер качал деревья, шелестели ветви. Мег изо всех сил всматривалась во тьму. Что-то двигалось, приближалось, все ближе, ближе...

Мег отлично знала, что змеи не появляются, когда холодно и темно. И тем не менее...

Луиза!

Да, это была их змеюка. Она показалась над каменной стеной, медленно, осторожно, бдительно. Сердце у Мег отчаянно колотилось, хотя, казалось бы, чего бояться, это же Луиза. Она не собиралась нападать – по крайней мере, не собиралась нападать на Мег. Однако Луиза кого-то ждала, и на этот раз вид у нее был недружелюбный. Мег замороженно наблюдала, как змея покачала головой взад-вперед, потом дрогнула – явно кого-то узнала...

– Маргарет! – раздалось за спиной у Мег.

Девочка стремительно развернулась.

Это был мистер Дженкинс! Она растерянно уставилась на него.

– Маргарет, – повторил он, – твой младший братишка сказал, что ты, наверное, пошла сюда.

Ну да, Чарльз мог догадаться, мог знать, куда она пошла... Но с чего вдруг мистеру Дженкинсу вздумалось разговаривать с Чарльзом Уоллесом? Директор никогда не бывал дома у Мёрри – он ни у кого из родителей никогда не бывал. Все скандалы происходили у него в кабинете, чтобы не выносить сор из избы. И если он даже пришел, с чего это вдруг ему вздумалось бродить по сырой траве, по мокрому от дождя саду и разыскивать Мег самому, вместо того чтобы отправить за ней кого-то из близнецов, а?

Он сказал:

– Я сам пришел за тобой, Маргарет, потому что считаю нужным извиниться. Я был слишком резок с тобой на той неделе, когда ты хотела поговорить.

И он протянул ей руку. В лунном свете, пробивающемся из-за облаков, рука выглядела белой-белой.

Совершенно растерявшись, девочка протянула было руку в ответ, но тут Луиза вздыбилась на стене у нее за спиной, шипя и издавая странное угрожающее пощелкивание. Обернувшись, Мег увидела, что змея сделалась огромной, раздула капюшон, будто кобра, и яростно шипит на мистера Дженкинса, свивая могучие темные кольца, готовясь напасть.

Мистер Дженкинс завопил – Мег никогда в жизни не слышала, чтобы человек так вопил, тем более мужчина. Это был какой-то оглушительный визг.

А потом он взметнулся в ночи, будто огромная, хлопающая крыльями птица, и с визгом улетел прочь, в небо, превратившись в разрыв, в пустоту, в прорезь, откуда смотрело ничто...

Мег обнаружила, что и сама тоже визжит.

Этого просто не могло быть!

Тут никого и ничего не было.

Кажется, она мельком успела увидеть, как Луиза скользнула прочь, прячась в темной щели между камней...

Этого не может быть.

Ее разум помутился. Это, наверно, все из-за погоды, из-за тревоги, из-за того, что все так плохо...

И тут от того места, где только что стоял мистер Дженкинс, потянуло густой вонью – вроде тухлой капусты или букета, слишком долго простоявшего в вазе...

Но его же не могло там быть!

Мег завизжала снова в приступе неодолимого страха: из-за стены к ней метнулась высокая тень.

Кальвин! Кальвин О'Киф!

Девочка истерически разрыдалась от облегчения.

Он перемахнул через стену и бросился к ней. Его сильные худые руки обвили ее, поддерживая, оберегая.

– Мег, Мег, что такое?

Она никак не могла перестать плакать.

– В чем дело, Мег? Что случилось? – Кальвин настойчиво встряхнул ее.

Захлебываясь слезами, она попыталась объяснить ему, в чем дело.

– Я понимаю, это звучит невероятно, но... – закончила она. Ее по-прежнему неудержимо трясло, сердце колотилось как бешеное. Видя, что Кальвин ничего не отвечает, а только обнимает ее и успокаивающе поглаживает по спине, она добавила, пару раз всхлипнув напоследок: – Ох, Кальвин, лучше бы я все это выдумала! Как ты думаешь, может, я и правда все придумала?

– Не знаю, – честно ответил Кальвин. Он по-прежнему обнимал ее – крепко, надежно.

Теперь, когда Кальвин был с ней и ей было с кем поделиться, Мег сумела выдать слегка истерический смешок.

– Мистер Дженкинс всегда говорил, что у меня слишком бурное воображение, но я никогда не думала, что настолько бурное! Как ты думаешь, это же не галлюцинации, а?

– Не думаю, – твердо ответил Кальвин. – Вряд ли это галлюцинация. А чем это тут так жутко воняет?

- Не знаю. Сейчас уже не так сильно воняет – вот до того, как ты пришел...

- По сравнению с этим из помойки пахнет розами. Фу-у!

- Знаешь, Кальвин, а ведь Луиза Большая – она уже не в первый раз делает нечто странное.

- Что-что?

И Мег рассказала ему про Луизу и сегодняшний вечер.

- Но тогда она не пыталась напасть или что-нибудь. Она держалась вполне дружелюбно. Она всегда была дружелюбной змеей. – Мег длинно, судорожно выдохнула. – Кэл, дай, пожалуйста, платок, а? У меня очки грязные, я совершенно ничего не вижу, а мне сейчас хотелось бы видеть, что происходит.

- Да у меня платок тоже грязный... – сказал Кальвин, но все же полез в карман.

- Все равно это лучше, чем юбкой протирать.

Мег поплевала на очки и протерла стекла. Без очков мальчик выглядел как размытое пятно, поэтому она набралась мужества и сказала:

- Знаешь, Кэл, я все равно надеялась, что ты сегодня зайдешь в гости.

- А я удивился, что ты вообще соглашаешься со мной разговаривать. Я-то пришел извиниться за то, что мой брат сотворил с Чарльзом Уоллесом.

Мег надела очки, как обычно, небрежно подпихнула их пальцем вверх по переносице в тот самый момент, когда луч лунного света прорвался сквозь облака и озарил озабоченное лицо Кальвина. Она вернула ему платок.

- Ну, ты же в этом не виноват. – А потом спросила: – Как ты думаешь – это, наверно, какое-то помешательство у меня: насчет Луизы, мистера Дженкинса и всего прочего?

– Не знаю, Мег. У тебя когда-нибудь раньше бывали галлюцинации?

– Насколько я помню – нет.

– И все равно этот мистер Дженкинс просто кусок феций.

– Что ты сказал?! – воскликнула Мег.

– Кусок феций он, говорю. «Феции» – это у меня новое ругательное слово такое. Старые все надоели. Знаешь, что такое феции? Это драконий помет...

– Я знаю, что феции – это драконий помет! Я другое хочу узнать: почему из всех слов ты выбрал именно это?

– Ну, мне показалось, что оно самое подходящее.

Мег снова затрясло.

– Кальвин... не надо, пожалуйста... это слишком серьезно!

Кальвин оставил свой шутливый тон:

– Хорошо, Мег. А что не так-то?

– Ох, Кэл... Я так перенервничала из-за этого мистера Дженкинса, что совсем забыла про драконов!

– Про кого?!

Мег рассказала ему про Чарльза Уоллеса, про драконов. «У него же никогда раньше не бывало галлюцинаций!» Она еще раз рассказала о том, как Луиза приветствовала тень, а что за тень – они так толком и не разглядели. «Но это точно не был мистер Дженкинс! Мистера Дженкинса Луиза не приветствовала».

– С ума сойти, – сказал Кальвин. – Просто с ума сойти!

– Но мы действительно видели феции, Кальвин! Ну, или что-то такое. Больше всего это было похоже на перья, но это были не настоящие перья. Чарльз Уоллес принес одно домой – там их была целая куча, – вот такие перья, и еще драконья чешуя – вон там, у самого большого камня на северном выгоне.

Кальвин вскочил на ноги:

– Так пойдём туда! Фонарик у тебя с собой?

Теперь, с Кальвином, было совсем не страшно пройти через сад и выйти на луг. Сейчас главным для Мег, сильнее страха, была потребность доказать, что они с Чарльзом Уоллесом ничего не выдумали, что вся эта безумная чушь, про которую она сейчас рассказывала Кальвину, случилась на самом деле. Нет, не то, что мистер Дженкинс вдруг обернулся летающей пустотой, – этого как раз лучше бы не было, – но вот драконы! Потому что если ничто из случившегося никак не соотносится с реальностью, значит она в самом деле сходит с ума.

Когда они дошли до луга, Кальвин взял у нее фонарик:

– Дай я вперед пойду.

Но Мег все равно шла за ним по пятам. Ей чудилось недоверие в том, как он водил лучом фонарика вдоль подножия валуна. Потом луч остановился, превратившись в кружок света на траве, и в центре кружка что-то сверкнуло золотом.

– Ух ты-ы!.. – сказал Кальвин.

Напряжение слегка отпустило, и Мег захихикала:

– Ничего себе феции, да? Интересно, а драконий помет на самом деле кто-нибудь когда-нибудь видел?

Кальвин опустил на четвереньки, пересыпая в ладонях кучку перьев и чешуек:

– Да-а, это и правда удивительно. Но кто же все это оставил? В конце концов, не может же целая стая драконов просто взять и исчезнуть?

– Полчище драконов, – машинально поправила Мег. – Так ты правда думаешь, что это были драконы?

Кальвин вместо ответа спросил:

– А вы своей маме про это говорили?

– Чарльз Уоллес показывал перо близнецам за ужином, и мама его тоже видела. Близнецы сказали, что перо не птичье, потому что стержень необычный, а потом разговор зашел о другом. Думаю, Чарльз нарочно сменил тему.

– Как он вообще? – спросил Кальвин. – Сильно Уиппи его отделал?

– Бывало и хуже. Мама ему положила примочки на глаз, глаз опух и теперь весь черно-синий. И все.

Она была пока не готова говорить о том, что Чарльз Уоллес все время бледный и задыхается.

– Такое впечатление, что мы живем в каком-нибудь бандитском районе, а не в тихой деревне. Буквально дня не проходит, чтобы кто-нибудь из больших мальчишек его не зацепил. Там же не один Уиппи. Кэл, скажи, вот почему наши родители так здорово разбираются в физике, в биологии, во всяких там науках и при этом совершенно ничего не могут сделать, чтобы их сына не обижали?

Кальвин забрался на валун поменьше:

– Знаешь, Мег, если тебя это утешит – мои родители, кажется, вообще физику от биологии не отличают. Наверно, Чарльзу было бы проще в городской школе, где куча разных детей: и белые, и черные, и желтые, и испаноговорящие, и богатые, и бедные. Может быть, он бы не так сильно выделялся там, где много всяких разных людей. А у нас тут все практически одинаковые. Люди вроде бы и гордятся соседством с твоими родителями – и что твой папа с президентом за руку здоровается, и все такое, – но все равно вы, Мёрри, не такие, как все.

– Но ты же как-то уживаешься.

– Так же как и близнецы. С волками жить – по-волчьи выть, сама понимаешь. Ну и, как бы то ни было, у меня и родители, и деды с бабками все здешние, деревенские, и даже прапрадеды. О’Кифы, может, и беспокойные, зато хотя бы местные. – В его голосе слышалось застарелое уныние.

– Кэл...

Он тряхнул головой и отмахнулся от мрачных мыслей:

– Наверно, нам стоит поговорить с твоей мамой.

– Не сейчас, – раздался из темноты голос Чарльза Уоллеса. – У нее и без того достаточно забот. Давайте подождем, пока драконы вернутся.

Мег вздрогнула:

– Чарльз! А ты почему не в постели? А мама знает, что ты на улице?

– Я лег спать. Мама не знает, разумеется.

Мег готова была разрыдаться от усталости.

– Я теперь вообще не понимаю, что разумеется, а что нет! И не стоило тебе выходить так поздно! – добавила она наставительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Книга седьмая, глава XXXIV. В «Смерти Артура» выражение «ветер на пороге» использовано в переносном смысле – что-то вроде «чушь, бредни» – и в классическом русском переводе отсутствует. (Здесь и далее примеч. перев.)

2

В городе Лос-Аламос, штат Нью-Мексико, находится лаборатория Министерства энергетики США, где ведутся секретные исследования в области ядерной физики.

3

«Вся Галлия делится на три части», «*Gallia est omnis divisa in partes tres*» – первая фраза «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря. Это классический текст, который есть во всякой хрестоматии, и фраза эта любому изучавшему латынь так же хорошо известна, как любому русскому известна строчка «У лукоморья дуб зеленый...».

4

1 фут – примерно 30 см.

5

В Брукхейвене находится национальная лаборатория, где проводятся исследования по ядерной физике.

6

Из стихотворения Роберта Бернса «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом», пер. С. Маршака.

7

Зюйдвестка – непромокаемая шапка-капюшон, обычный головной убор моряков и рыбаков.

Купить: https://telnovel.com/l-engl_madlen/veter-na-poroge

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)